

Center for Policy Studies in Russia

Центр политических исследований в России

ИНТЕРВЬЮ МЕСЯЦА

Центральный офис

E-mail: <mosnex@online.ru> тел факс (7-095) 229-1650, (7-502) 225-1724

ЭКСКЛЮЗИВ

“ТЕХНОЛОГИИ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ВЫБРАНЫ. ПРИСТУПАЕМ К СОЗДАНИЮ ПИЛОТНЫХ УСТАНОВОК”

Беседа редактора журнала “Ядерный Контроль” Владимира Орлова с начальником войск радиационной, химической и биологической защиты министерства обороны Российской Федерации генерал-полковником **Станиславом Петровым**

- Станислав Вениаминович, проблема уничтожения химического оружия имеет два аспекта: политический и технический. Как Вы могли бы кратко охарактеризовать каждый из них?

- Политический аспект состоит в том, что Россия 13 января 1993 года подписала Конвенцию с запрещением разработки, производства, накопления и применения химического оружия, наряду с другими 158 странами. В соответствии с этим она взяла на себе определенные обязательства. В настоящее время 44 государства ратифицировали Конвенцию. Для того же, чтобы она вступила в силу, нужно сдать 65 ратификационных грамот в Организацию по запрещению химического оружия (со штаб-квартирой в Гааге). Большинство участников связывает вступление в силу конвенции с реальным участием в ней Соединенных Штатов Америки и России как двух государств, обладающих наибольшими запасами химического оружия. А вот и технический аспект: ни США, ни Россия в настоящее время не готовы к тому, чтобы выполнить такие обязательства. В Соединенных Штатах, например, для уничтожения химического оружия имеется всего один завод. Второй находится в стадии строительства. Оба эти предприятия приняли за основу технологию прямого сжигания, которая встречает среди американских защитников окружающей среды самое мощное противодействие. В России вообще нет заводов по уничтожению химического оружия.

- А Чапаевский?

- Да... Завод построен в 1989 году. В настоящее время не действует, причем по причинам, далеким от безопасности эксплуатации, от реальных проблем уничтожения ХО. Чисто политическая атака, приведшая к закрытию еще не начавшего работать предприятия, привела к тому, что завод перепрофилирован в учебно-тренировочный центр по уничтожению химического оружия, который уже начинает действовать, но, естественно, без использования настоящего химического оружия.

В строительство Чапаевского завода было вложено 44 миллиона рублей - ~~таблицу~~ доперестроечных денег. Все это пропадает зря. Хотя, возможно, слово *все* и является преувеличением: так, сейчас первая группа курсантов Саратовского училища и Академии химической защиты направлена в Чапаевск, чтобы познакомиться с организацией производства по уничтожению химического оружия.

- На заседании оперативного комитета правительства под председательством первого вице-преьера Олега Сосковца рассматривался вопрос о финансировании мероприятий по уничтожению химического оружия. Сколько денег в итоге выделено министерству обороны?

- Было принято решение выделить не менее 500 миллиардов рублей,

в то время как мы запрашивали 537 миллиардов. Сейчас Минэкономики и Минфин говорят о выделении лишь 146 миллиардов рублей. Это слишком крупное расхождение. Если химическое разоружение не будет профинансировано, мы не сможем уложиться в те графики, которые уже определены правительственной программой уничтожения химического оружия.

- Расскажите подробнее об этой программе.

- Первые 400 тонн ОВ Россия должна будет уничтожить в 1999 году. Если мы в этом году не получим необходимого финансирования, то уже произойдет сдвиг в сторону отставания от намеченных целей и тот объем, который запланирован, не будет выполнен. Будет сделано в три раза меньше.

Принято нас критиковать, что не все технически готово. Да, действительно, технически не все готово. Но заводы и технологии выбраны. Они были рассмотрены на экспертном совете, с участием компетентных специалистов, профессионально разбирающихся в вопросах химии отравляющих веществ. В том, что касается переработки кожно-нарывных веществ и, в первую очередь, люизита, выбрана основная технология - технология щелочного гидролиза. Вторая технология - монолиз. Обе технологии в конечном итоге при переработке люизита приводят к получению технического мышьяка, а при последующей переработке это будет уже мышьяк высокой чистоты, который является стратегическим сырьем, потому что в России нет месторождений мышьяка - все осталось в Грузии.

В этом году планируется строительство пилотных установок в поселке Горный Саратовской области. Поэксплуатировав их, мы сможем окончательно принять решение: какую из них сделать основной, а какую запасной. Уже получено одобрение главы администрации Саратовской области, согласованное также с местной общественностью. Путем лабораторных опытов признано, что наиболее предпочтительна технология щелочного гидролиза. Но когда от лабораторных шкафов мы перейдем к объектам по уничтожению, - только тогда можно будет говорить о строительстве крупномасштабного производства в Удмуртской республике (6,5 тысяч тонн люизита). В Саратовской области - 1 тысяча 160 тонн люизита, иприта и их смесей. Отобраны технологии и по иприту. Из трех технологий по фосфоорганическим веществам отобрана как раз та, которая должна была использоваться в Чапаевске. Завершился двухстадийный российско-американский эксперимент по проверке эффективности этой технологии: первая стадия в Соединенных Штатах Америки на Абердинском полигоне, вторая в России, на базе Саратовского училища химической защиты (оно теперь полностью перешло на профиль подготовки специалистов в области уничтожения химического оружия). Должна пройти еще одна независимая экспертиза, но американцы без подсказки с нашей стороны высказали

мысль о том, что, видимо, по этой технологии они будут строить три объекта. Их привлекло то, что эта технология безопасна.

Преимущества этой технологии в том, что чистые ОВ не работают в технологических линиях, где применяется высокое давление и высокие температуры. В каждую единицу времени идет разгерметизация только одного боеприпаса и, пока с ним цикл работ не окончен, следующий боеприпас не поступает. Это обеспечивает высокую степень безопасности работ. Даже при самой страшной гипотетической аварии может быть раскрыт только один боеприпас, и он не уходит за пределы цеха. В дальнейшем происходит сжигание не чистого ОВ, как в американской технологии, а реакционных масс, которые уже не являются отравляющими веществами. Сейчас разработан способ утилизации реакционных масс путем их битумизации: никакого сжигания нет, в атмосферу ничего не идет, остаток получается твердым. И дальше захораниваем, как обычные отходы производств химической промышленности.

По всем направлениям технологии выбраны. Имеется еще технология, так называемый *мартен*, - это термическая деструкция отравляющего вещества. При такой технологии боеприпас загружается в герметичный контейнер, мощный, толстостенный, происходит его разогрев до определенной температуры, в результате которой боеприпас там вскрывается и происходит термическая деструкция ОВ в замкнутом объеме. В результате этого получается шлак, он извлекается, а пары различных веществ, которые образуются в результате деструкции ОВ, поглощаются на специальных устройствах. Рассмотрена технология деструкции ОВ методом каталитического разложения: в боеприпас вводится небольшое количество катализатора, способствующее разложению отравляющего вещества. По заключению экспертов, все-таки была выбрана технология двухстадийная, та, которая должна была применяться в Чапаевске, за исключением способа переработки реакционных масс. В Чапаевске предполагалось сжигание, а здесь предусматривается битумизация с последующим захоронением. Технология термической деструкции предусматривается для малогабаритных боеприпасов, стратегических снарядов, элементов кассетных химических боеприпасов.

Теперь надо построить пилотные установки и на них все проверить. *Купее* финансирование не позволяет просто и быстро выполнить эти задачи. Проблемы накладываются одна на другую. Мы идем с двухлетним опозданием по этим технологиям по той причине, что в 1993 году нас вообще не финансировали. Министерство экономики определяет нашу структуру расходов. Оно не просто дает деньги, структура расходов распределяется и проверяется. Деньги идут на социальную инфраструктуру, строительство жилья, командировочные работы, связанные с работами по регионам, с общественностью, НИОКР. В 1993 году, например, с этих статей вообще сняли финансирование. И как следствие - в 1993 году мы не занимались технологией. Это на два года отбросило нас назад.

- В настоящее время при помощи президента по национальной безопасности Юрия Батурина создана межведомственная комиссия. Ее главная задача - координация действий различных министерств и ведомств и решение проблемы утилизации и уничтожения химического оружия. Верно ли, что инициатива создания такой комиссии исходила от министерства обороны?

- Верно. Мы пытались найти выход из тупика, в который заходили в различных межведомственных коллизиях. Инициативу поддержали, потому что процесс уничтожения химического оружия многогранный. Мы возлагаем большие надежды на работу этой комиссии, зная Юрия Батурина как спокойного государственного деятеля, который все очень тщательно взвешивает, прежде чем принять какое-либо решение.

Уничтожение химического оружия - это задача не только внешнеполитическая, но и внутрироссийская. Боеприпасы лежат и

стареют, и определенный процент из них ежегодно приходит в состояние, *негодное к употреблению*. У американцев дело еще похуже: у них наблюдается массовый выход из строя боеприпасов, так как у них более старое химическое оружие.

- Текут?

- Не просто текут. В прошлом году мне пришлось побывать в одном из арсеналов в штате Алабама в местечке Аристон. Так вот, у них они не текут - они струей бьют. Там есть такие реактивные снаряды - М-55 к реактивным системам сорокапятитовольного залпового огня. Части сделаны из алюминия, конечно, легкие, но свойства безопасности тоже *облегчены*. В результате старения образуются свищи, а поскольку от избыточного давления накапливаются газы, то под давлением начинается сильная течь.

- Но ведь текут и у нас.

- В химвойсках Российских вооруженных сил единственное место, где реально может осуществляться протечка, - это пробка *заливной бочка* (заливной бочок - это отверстие, куда весьма плотно, по специальной технологии, ввертываются пробки). По стыку этой пробки с корпусом выносится красный индикатор. Индикатор меняет окраску и показывает изменившееся состояние боеприпаса. Боеприпас считается аварийным, если красный индикатор изменил свою окраску - стал розоватым или какого-то другого цвета. Такие боеприпасы изымаются и помещаются в герметичные контейнеры, после этого их направляют на утилизацию с помощью специальных комплектов. В каждом арсенале есть технических комплекты, которые обеспечивают безопасное уничтожение аварийного боеприпаса. Так, эти комплекты в 1987 году демонстрировались участникам переговоров в Женеве при показе советского химического арсенала. А чтобы боеприпасы капали или текли, - такого нет.

Вспоминаю женевский эпизод, и тут же на память приходят высказывания некоторых представителей природоохранных движений экстремистского толка, к которым я отношу, в частности, Льва Федорова. Даже и не высказывания. Эти *природоохранители* буквально начинают вопить об опасности технологий. Это необоснованно. В 1987 году в Женеве заинтересованные люди сидели всего лишь в пяти метрах от демонстрировавшейся установки, на которой разгерметизировалась 250-килограммовая бомба с зарядом. Естественно, что, если бы это было опасно, мы бы этого делать не стали. Весь этот процесс был тогда снят нашим телевидением, оператор сумел передать всю атмосферу происходящего: как бомбу закладывали, как автомат подавал семиклинный станочек, рассверливал ее - и все это, при полной герметизации отверстий, откачивалось под вакуумом.

Наши технологии запрещают перекачку отравляющего вещества под давлением - только за счет разряжения, чтобы полностью исключить возможность прорыва трубопровода и выдачи это вещества в атмосферу. Например, на заводе в Чапаевске, там, где циркулируют отравляющие вещества, применяют технологию *труба в трубе*, то есть труба, по которой перекачивается под вакуумом отравляющее вещество, находится в другой трубе и если происходит случайный прорыв, то все равно безопасность под контролем. Эта технология очень надежная. Да и проектировалось это предприятие людьми, которые в свое время проектировали завод по производству химического оружия, т.е. это профессионалы высочайшего класса.

- Вы окончательно поставили крест на Чапаевске как на месте ликвидации ХО? Нет ли желания, возможности отыпать назад?

- Реанимировать? Возможности нет, и я вам скажу, почему. В свое время некоторые общественные деятели Чапаевска были на гребне волны - они были героями, их показывало телевидение. А сейчас, после того как наступило полное забвение, они спят и видят, чтобы

Отравляющие вещества и способы их хранения в арсеналах России (по данным на 1994 г.)

Отравляющие вещества	Процент ОВ, сохраняемых в боеприпасах и устройствах	Процент ОВ, сохраняемых в шестерках
V-газ	100	-
Зарин	100	-
Зоман	100	-
Иприт	-	100
Люизит и смесь иприта с люизитом	10	90
Люизит	2	98
Фосген	100	-

снова попасть на страницы большой печати, экраны телевидения. Они - бунтари. Они умеют только критиковать. Кстати, господин Федоров из этой же категории. Он еще ни одного дельно предложения не дал, мы уже обращались к нему: "Вот вы критикуете закон или критикуете программу. Скажите, что вы предлагаете конкретно?" Вместо конкретного ответа только критика.

- Правительственная программа по уничтожению ХО исходит из норм Конвенции, которую Россия пока не ратифицировала?

- Безусловно. Программа исходит из норм Конвенции, включая десятилетний период уничтожения ХО. Мы начнем в 1999 году. Причем Россия имеет *запасной выход*. В Конвенции предусмотрено, что если государство не укладывается в программу по каким-то причинам, можно об этом заявить и продлить себе еще немножечко сроки. Только об этом необходимо заявить, уведомить участников Конвенции о причинах.

- Проект закона об уничтожении химического оружия предусматривает финансирование не только из государственного бюджета, но и использование различных внебюджетных средств, в том числе помощь иностранных государств, привлечение частного капитала.

- Если говорить, скажем, о помощи Соединенных Штатов, то реальной помощи еще нет. В этом году нам ценой больших усилий удалось зтащить их в совместный эксперимент. И то они это сделали, надеясь на то, что они смогут воспользоваться результатами эксперимента. Мы просим их: "Нравится вам технология - давайте договариваться о том, чтобы мы передали ее вам как равноправным участникам такого эксперимента, а вы нам - строите завод *под ключ* на одном из арсеналов, скажем, в Курганской области, в *Щучьем*". Американцы обставляют эту помощь всевозможными условиями, и по сути дела - это выкачивание знаний о военно-химическом потенциале России за американские деньги. С ними очень тяжело работать. С немцами, например, работать гораздо проще. Они не ставят никаких условий. Они дают деньги и просят только, чтобы был четкий отчет (с привлечением немецких аудиторских фирм), куда эти деньги уходят. Они осуществляют соответствующий контроль. Они нам уже оказали помощь на 15 миллионов марок. И планируют на 1996 год оказать поддержку в размере 9 миллионов марок. Под эти деньги они нам поставили лабораторное оборудование, подвижные лаборатории для мониторинга окружающей среды. Спроектировали и изготавливают оборудование для переснаряжения отравляющих веществ с больших емкостей (шестидесятикубовых) на транспортно-технологические контейнеры. Все это реально, никаких условий: ни политических, ни других.

В начале ноября 1995 года делегация министерства обороны вернулась из Голландии, поскольку к нам из МИДа поступила информация, что в голландском правительстве рассматривается вопрос об оказании помощи России в размере до 30 миллионов гульденов. Я возглавлял делегацию и дважды встречался с министром обороны Голландии Ферхуве. Мы подготовили совместный протокол о намерениях, в соответствии с которым мы обязались им предоставить всяческую информацию, связанную с проблемой переработки люизита, а они на основе этой информации - определить сферу помощи. 10 декабря прошел очередной визит. Голландцы изучают технологию по переработке люизита, технико-экономическое обоснование на строительство объекта. Были в Камбарке (Удмуртия), посмотрели строительную площадку, где планируется строить терминалы и сам завод по переработке химического оружия. Мы надеемся на подписание с ними межправительственного соглашения.

Мне понравилось, что министр Ферхуве рассматривает эту проблему не как чисто российскую, а как европейскую. Ликвидация химического оружия означает для него избавление от ХО не только России, но и Европы. Такая позиция дает нам основание полагать, что мы придем к какой-то конкретной, реальной помощи.

- Официально заявлено о 40 тысячах тонн химического оружия, которое подлежит уничтожению. На слушаниях в Государственной Думе в 1994 году звучала и цифра в 10 раз больше - 400 тысяч тонн. Ряд серьезных специалистов, посмеиваясь над "400 тысячами тонн", рекомендует исходить из цифры в 100-150 тысяч тонн.

- 400 тысяч тонн - это нереально. Такого количества в России вообще никогда, за все время не производилось. Это не простое же дело - столько отравляющих веществ наработать. Что касается запасов, то запасов у нас - 40 тысяч тонн. Сейчас, если бы мы даже очень захотели, то все равно не могли бы скрыть эту цифру. Кто возьмет на себя

ответственность обманывать президента, правительство и мировое общественное мнение? Это просто глупо. Россия ратифицирует Конвенцию, и вступит в силу механизм инспекции по запросам. Разведанные тоже могут просочиться, особенно сейчас, когда масса перебежчиков хлынула на Запад, просто не удастся скрыть какую-либо информацию. Все выболтано давным-давно. Продано с потрохами.

Говорить о том, что произведено 150 тысяч тонн ОВ? Ни один специалист не должен и не может осмелиться заявить, что мы имеем такие запасы. Для того, чтобы это заявлять, надо иметь основания. Я так сказать не могу. Нужно осуществить широчайший архивный поиск, чтобы владеть такими цифрами. Отравляющие вещества активно производились при Берии, в условиях тотальной секретности. Все это настолько тщательно скрывалось, что даже сейчас в архивах невозможно найти какие бы то ни было следы. Чтобы разобраться в архивах, нужно создавать специальную группу, получить соответствующее финансирование, ведь работать с архивами - чрезвычайно дорогое дело. Мы сейчас создали такую группу, два года работаем, но сведений из этих архивов очень мало. И говорить, что мы имеем 150, 140, 110 тысяч тонн отравляющих веществ, по меньшей мере некорректно. Те, кто заявляет это, насколько мне это известно, архивами вообще не занимались. Такого рода сведения *из пальца высасывают*, а потом преподносят как сенсацию.

- В 1997 году истекают гарантийные сроки всех химических боеприпасов. Насколько можно обеспечить безопасность имеющихся боеприпасов до их уничтожения?

- Я бы не сказал, что в 1997 году истекают все гарантийные сроки. Мы рассматриваем гарантийный срок по способности боеприпасов к применению, это означает, что без дополнительного контроля в стадии хранения этот боеприпас не может быть применен: нельзя выстрелить им из пушки, нельзя выпустить головную часть ракеты или сбросить бомбу.

Если говорить о безопасности, то боеприпасы находятся под контролем. Даже после того, как истекает гарантийный срок, специалисты проводят работу, связанную с определением технической пригодности применения боеприпаса. И говорить о том, что в ближайшие 5-10 лет начнется массовый выход из строя боеприпасов, не приходится. Я далек от того, чтобы сеять такие панические слухи. Об артиллерийских боеприпасах вообще говорить не приходится: если уж они на дне Балтийского моря лежат, в агрессивной среде, и до сих пор не протекли, хотя уже прошло три-четыре десятка лет.

При хранении в хранилищах - это хранение в толстостенных запасниках металлических снарядов из высокосортной стали, *чугуныны* (толщина стенки 12-16 миллиметров). Снаряду ничего не делается: лежит он себе и лежит. Сложнее с авиационным боеприпасом. Но сложность тоже относительная: авиационные боеприпасы - с меньшей толщиной стенки, но тоже сделаны из довольно высокопрочных, высокосортных сортов нержавеющей стали. За состоянием боеприпасов наблюдают профессионалы. Они делают заключение, подписываются под ним. Если уж они свою подпись ставят, то отвечают за нее.

Я бы не хотел сгущать краски и говорить: "Вот, опасно!" Наиболее опасно хранение кожно-нарывных отравляющих веществ. По той простой причине, что они хранятся в крупнотоннажных емкостях. Ну если, скажем, в снаряде 8 килограммов ОВ, тут - 60 тонн. То есть масштабы этой аварии будут значительно больше, когда крупная емкость прохудится и потечет. За ними тоже осуществляется определенный контроль. На каждой цистерне имеются контрольные точки, по которым с определенной периодичностью измеряется толщина стенки. Но толщина такая, что прощупывать будем еще 50-60 лет совершенно спокойно. Хотя гарантии полной нет, ведь проверяются только отдельные точки. Еще нет такой технологии, чтобы было можно всю поверхность прощупать, просветить и определить, нет ли где свища. Может быть локальная точка, где износ быстрее идет: то ли там сплав некачественный попал, то ли еще что-то. Поэтому мы и настаиваем, чтобы начать уничтожение отравляющих веществ именно с кожно-нарывных, которые хранятся в больших емкостях.

- Известно, что существует постановление правительства от 30 марта 1993 г. за подписью Виктора Черномырдина о внесении дополнения в раздел IX п. 122 постановления правительства РФ от 18 сентября 1992 г. №733-55, в котором говорится о степенях секретности для информации по химическому оружию. Как вы относитесь к этому постановлению? Сегодня оно необходимо?

- Постановление касается охраны секретов в области разработки,

производства химического оружия. Я отношусь в целом положительно к этому постановлению. Потому что оно соответствует духу Конвенции. Конвенция запрещает распространение знаний о химическом оружии. Вы понимаете, что в Токио секта Аум Сенрике использовала знания и практику старшего лейтенанта японской армии... Далеко идти не надо. Есть книга немецкого ученого З. Франке "Биотехнология производства отравляющих веществ", где описаны все технологии производства всех современных отравляющих веществ, включая зарин-зомановые газы. Я думаю, что студент пятого курса МХТИ при наличии лабораторного оборудования и самое главное - вытяжного шкафа (чтобы обеспечить свою личную безопасность) может синтезировать и зарин, и зоман. Пожалуй, потребуются усилия только для того, чтобы получить исходные продукты.

Знания о работах по разработке химического оружия крайне нежелательны и Конвенцией запрещены. И государство, подписавшее Конвенцию, ратифицировавшее ее, обязывается не распространять знания о химическом оружии. Дайте технологическую цепочку того, как производить отравляющее вещество, и его синтезируют моментально. Тогда уже в арсенале многих государств мира появится химическое оружие. А у нас есть государства, которые не подписали Конвенцию, особенно страны арабского мира, которые увязывают подписание и ратификацию Конвенции с наличием у Израиля ядерного оружия. Да им только расскажи - они с удовольствием воспользуются этими знаниями для того, чтобы изготовить новое оружие. Все лишние открытые сведения в этой области нежелательны, крайне нежелательны.

Раньше, скажем, расположение арсенала, хранение химического оружия - это же была тайна за семью печатями; по всей стране возили химическое оружие и никто об этом не знал. И, кстати, не было ни одной аварии, так как существовал специальный режим перевозок (очень жестко регламентируемый и *буквоедски*, я бы сказал, выполнявшийся). В книге Льва Федорова, изданной тиражом 500 экземпляров, теперь можно получить все данные: что хранится, где. Безобразная книжка.

- Значит, поэтому в министерстве обороны крайне жестко относятся к тем, кто хотел бы посетить объекты по хранению ХО?

- Сейчас, когда все валится и возникают сложности различного характера, мы против того, чтобы рассказывать как можно большему количеству людей о том, как и где мы храним химическое оружие. И мы не любим, когда люди *ламятся* посещать эти объекты. Когда начинают проситься: *допустите нас в арсеналы, допустите туда, допустите сюда*, то возникает вопрос. Зачем? Разве это выставка какая-то? Место, для того чтобы проводить там экскурсии? Конечно же нет! Каждая такая выставка, каждая такая экскурсия приводит к тому, что все большее количество людей получает доступ к информации о системе охраны, о системе обороны. К чему это может привести? Многие не понимают, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

- Как бы то ни было, химическое оружие как средство для терактов используется, похоже, не только в Японии. Вы ведь слышали о подозрениях, будто убийцы Кивелиди использовали боевые ОВ?

- Вот эта статья, у меня на столе: "*Кивелиди убили новым химическим оружием!*". Смотрите, что пишут: "один из экспертов (фамилия опять не приводится!), участвующий в расследовании дела Кивелиди, рассказал корреспонденту *Комсомольской правды* о возможном применении нового химического оружия, которое разрабатывается в России". Почему в России? Почему не в другой стране? Это нагнетание страстей. Зачем об этом говорить, если следствие не закончено? Следствие закончат, и всем станет ясно, отчего погиб Кивелиди. Говорить об этом абсолютно преждевременно и вообще не положено. Есть такое понятие - тайна следствия.

- Проводятся ли учебные тревоги, тренировки по охране химического оружия от террористов, особенно при его транспортировке?

- Вы точно подметили, что сам процесс транспортировки химического оружия очень болезненный. Поэтому, в том числе, и принято решение уничтожать в регионах хранения. В то же время, когда мы говорим о терроризме, то иногда переходим грань разумного. Взять хотя бы это нашумевшее дело с радиоактивным источником, найденным в Измайловском парке Москвы. Это же злонамеренная акция-однозначно для того, чтобы посеять панику среди населения. Зачем поднимать такой шум? Цезиевых контейнеров в России тысячи. Этими источниками радиоактивного ионизирующего излучения оснащена масса всевозможных приборов контроля за технологической исправностью оборудования, рентгеновская аппаратура, приборы дозиметрического контроля. Но даже если взорвал кто-то этот источник

- ну, несколько квадратных метров заразил. Причем таким уровнем, что соберут землю, погрузят в машину, увезут и - все. Вот ядерный терроризм, технологически связанный со взрывом какого-либо действующего реактора - это страшная угроза. Надо принимать меры организационного порядка: жесткая охрана, оборона, исключение какого бы то ни было пролета самолетов над этими реакторами.

- Конечно. А до июля 1995 года тот же Арзамас-16 или Томск-7 не были прикрыты с воздуха. На объектах по хранению ХО этот вопрос решен?

- Во всяком случае сейчас арсеналы химического оружия находятся в зоне действия войск ПВО.

- Вы сказали, что обеспокоены отсутствием подписей под Конвенцией ряда ближневосточных государств. Обеспокоены этим и некоторые парламентарии-противники Конвенции. Они говорят примерно так: мы сейчас начнем ликвидировать, через 10 лет закончим, а к тому времени этим "ядерным оружием для бедных" обзаведутся некоторые государства прямо у нас под боком. Вас это не смущает?

- Наука на месте не стоит, и никакая Конвенция никогда полностью не запретит исследования в этой области: ведь исследования химии токсичных веществ, суперинтоксикантов постоянно ведутся, как не может не вестись поиск лекарственных препаратов и т.д.

- Конвенция и не запрещает таких исследований...

- Конечно. Ежегодно синтезируются тысячи веществ. В США, например, каждое вновь синтезированное вещество тестируется на возможность использования в качестве ОВ. Выработаны определенные критерии. Определяет это машина, так как человеку не под силу проверить огромное количество этих веществ. Конечно исследования в этой области идут, и, может быть, среди этих суперинтоксикантов найдутся такие, которые по своим токсичным свойствам будут превосходить все ныне известное.

Так что полностью исключить возможность появления в арсеналах некоторых стран нового вида химического оружия нельзя. Было бы неразумно такую возможность сбрасывать. Есть государства, которые, скажем, не имеют на данный день запасов, но способны в течение полутора-двух месяцев наладить производство. Как к этому относиться военным людям? Я думаю, что, если Конвенцию подпишет государство, которое исповедует общепринятые нормы в своей внешней и внутренней политике, то оно будет четко выполнять требования Конвенции. Подписал Конвенцию - значит не имеешь права.

В арсенале современных армий государств есть такие виды обычных вооружений, которые конкурируют с ОМУ. Во время "*Бури в пустыне*" можно было наблюдать высокоточные удары непосредственно по объектам - высокоточное оружие (ВТО) по масштабам последствий его применения выходит сейчас на уровень ОМУ. Из этого следует, что не обязательно применять химические отравляющие вещества, которые в итоге приводят к массовым жертвам среди мирного населения. Вполне можно обойтись без него.

Несмотря на то, что я человек военный и мне подчинено Управление химической и биологической защиты, у меня нет колебаний при ответе на вопрос, должно ли быть уничтожено ХО. Конечно!

У меня в сейфе лежат фотографии, на которых запечатлены результаты газовой атаки во время ирано-иракского конфликта. Это страшно: груды трупов среди мирного населения с чудовищными следами поражения; мертвые грудные дети в пыли, надороге, вместе с мертвыми матерями. Это действительно оружие, которое должно быть запрещено! Государство, которое применяет химическое оружие, и те политики, которые берут на себя смелость отдавать приказы о его использовании, - это военные преступники.

Россия найдет в своем арсенале эффективные средства, прежде всего ВТО, чтобы защититься и без химического оружия, если, конечно, этот арсенал будет достойно финансироваться. Мы обязаны поддерживать свой научный арсенал по исследованиям ОВ. Обязаны делать это в защитных целях, так как не можем допустить массовых потерь среди населения и в войсках только потому, что наши средства защиты по своим качественным характеристикам отстают от характеристик образцов химического оружия, которое может быть применено или может появиться в перспективе. На эту область следует обращать самое серьезное внимание с учетом того, что не все государства подписали Конвенцию о запрещении производства химического оружия, и до ее вступления в силу еще достаточно далеко.